

«Я числюсь по России»

Беседа с поэтессой Татьяной Глуковой

Из книги Генриха Волнова «Мир Пушкина». Рис. Ю. Иванова.

— Праздничная взволнованность, с которой мы всегда ждали день рождения Пушкина, сегодня, как никогда, должна быть освящена пониманием, как Пушкин остро необходим — для формирования народного сознания, для воспитания души каждого отдельного русского человека. Пушкин ощущал в себе народное и национальное чувство как основу своей личности. Не утрачивает ли это представление современная интеллигенция? Не утрачиваем ли все мы, русские, национального самосознания — ощущения своей принадлежности к родной земле, истории, традициям нашей национальной жизни?

— Утрачиваем. И уже почти не скрываем этого. Но сейчас, в канун 194-го дня рождения великого поэта, стоит честно признаться: мы утрачиваем и Пушкина... Постепенно. В шуме политических баталий, в удручении или отчаянии от социального катаклизма, в той растерянности, если не сказать прямо — трагедии, которую переживает русская нация... Пушкин отходит сейчас в некую даль, на окраину сознания, и это, в моем понимании, подобно для русских спущенному или во всяком случае приспущенному флагу... Отношение к Пушкину есть, бесспорно, лакмусовая бумажка, безошибочный индикатор, который указывает на состояние русского национального сознания.

Ведь Пушкин — это не просто литература. Не просто — культура. Это — средоточие русского духа, его высочайшее выражение. И поэтому, какие бы жизненные, социальные, политические причины ни выдвигали мы, пытаюсь оправдать или объяснить то, что книги Пушкина исчезли из издательских планов, или то, что мы все реже вспоминаем Пушкина и размышляем о нем, — мы, по сути, «объясним» только наше отступничество от русского духа.

— Кто — мы?

— Мы — это в том числе и русские патриоты. Многие из тех, кто так называет себя... Видите ли, мы еще способны на короткий миг возмутиться, если узнаем, что в Молдавии или, положим, в Литве снесен памятник Пушкину. Но о том, что происходит в России и делается руками самих русских, мы «не слышим»: об этом нам недосуг знать!

Между тем мы должны с полной ясностью для себя обозначить главные наши духовные ценности и те явления в русской истории, русской культуре, которые этим ценностям соответствуют. Понять, что вне этих духовных ценностей, при забвении их невозможны прочные успехи в самой политической борьбе, которую ведут сегодня русские патриоты. Тот чудовищный разрыв между политической и культурной жизнью, что наблюдается сегодня, между интересами политическими и культурными обрекает нас в перспективе, может быть, на такое же духовное банкротство, как то, к какому пришли «демократы».

— А есть конкретные симптомы, тревожащие вас и связанные именно с Пушкиным?

— Начну с малого и как будто случайного. Если на страницах русского литературного журнала, пусть и заслуженного, как «Наш современник», на протяжении нескольких лет находится место для авторов из Израиля или США, но не находится места для разговора о Пушкине, то такой литературный журнал можно ли твердо назвать русским патриотическим? Я — не уверена в этом, хотя наперед знаю все, злободневного толка оправдания, которые будут высказаны нам. И ведь следует же учесть, что в прессе демократической не смолкает на разные лады проводимая антипушкинская кампания, начатая одесско-сорбонскими «открытиями» Абрама Терца и продолженная многочисленными его последователями в нашей стране...

Литератор, я не могу не заявить об особой ответственности писателей в деле защиты Пушкина, его чести, в деле культурной пропаганды, которая неотделима от пропаганды патриотической. «Я числюсь по России», — гордо сознавал свой государственный, свой общенациональный масштаб Пушкин. И любое оскорбление его памяти, любое пренебрежение ею есть не что иное, как оскорбление России.

«От Пушкина не убудет», — часто приходится слышать. Но убудет, убудет от всех нас!

— Вы говорите о равнодушии, может быть и нечаянном. Такое равнодушие — преодолимо. Хуже, когда люди намеренно размывают наши духовные основы, посягают на Пушкина как на русскую славу...

— Грань между простым, нечаянным равнодушием и не простым, злонамеренным не так уж существенна, если иметь в виду практические последствия. Они касаются нравственного состояния общества. Приведу один, «узкий» факт, который кто-то истолкует, быть может, только как неосмотрительность. Два года тому бывший президент СССР М. Горбачев исплопотал во Франции для экспонирования в России дуэльный пистолет Дантеса, из которого был убит Пушкин. (Что другое, замечу в скобках, мог привезти в Россию М. Горбачев?) Разумеется, в этом «культурном» обмене или «культурном» заимодавстве мрачного экспоната посредничал Фонд культуры бывшего СССР. При непосредственном наблюдении этого Фонда пистолет убийцы, орудие убийства великого нашего Пушкина было помещено в последней квартире поэта, на Мойке, 12, рядом со скорбными и священными для нас реликвиями — простреленным из этого пистолета жилетом Пушкина, перчатками Жуковского и Вяземского, в каких были они на пушкинской панихиде, свечами с отпевания тела Пушкина... И ленинградцы, как и туристы, в том числе, конечно, и дети, русские дети долгое время вынуждены были любоваться орудием злодейского убийства, место которому — может быть, в музее криминалистики, но никак не в доме поэта, доме Пушкина... Так вот: кто из писателей, русских писателей обратил внимание на это кощунство, воспрепятствовал ему?

— Я понимаю остроту вашего впечатления. Ведь вы, помимо прочего, в прошлом — музейный работник, и именно пушкинского музея — в селе Михайловском в Псковской области... Ваша любовь к Пушкину, стихи и статьи о нем обусловлены вашей жизнью и работой в Михайловском?

— Наверное, связь обратная: именно эта любовь и привела меня туда. Сколько уж времени длится странная, неожиданная для нас конкурен-

ция между Православной Церковью, которой передан Святогорский монастырь в Псковской области, где находится могила поэта, — и Пушкинским заповедником, поднимавшим после войны из руин эти святые места. Антагонизм между местными служителями культа и Заповедником — обширным и многоплановым культурным комплексом — не лишен, к сожалению, черт злобного фанатизма, направленного... против Пушкина. Церковь (я имею в виду, конечно, местных служителей ее — конкретных, несчастливо подобранных лиц) словно бы ревнует к славе Пушкина и склонна рассматривать любовь к поэту как «идолопоклонство». Заповедник полностью вытеснен за монастырскую ограду. И тот факт, что в Успенском соборе в февральскую вьюжную ночь 1837 года стоял перед захоронением гроб с телом Пушкина (место это внутри храма долгие десятилетия было огорожено бархатной лентой), и тот факт, что у стен собора находится семейное кладбище Пушкиных — Ганнибалов, и то, что под сенью Успенского собора — современника Смуты XVI века — создавался «Борис Годунов», — не имеет как будто для новоселов духовного звания никакого значения... Они устранили с него все музейные пушкинские реликвии. Площадь подворья и впрямь слишком тесна, и монахам надобно держать скот, сушить сено: всё — в непосредственной близости от могилы поэта!.. Но главное: знает ли российская общественность, каковы теперь реальные гарантии сбережения этой могилы, охраны ее? А ведь эти гарантии резко снизились! Пост милиции в монастыре, близ могилы, СНЯТ, ликвидирован.

— А, по-вашему, что можно сделать, не нарушая при этом указа о передаче Православной Церкви ее зданий, земель и имущества?

— Мои предложения самоочевидны. Могиле А. С. Пушкина необходимо придать статус НАЦИОНАЛЬНОГО ДОСТОЯНИЯ. Это крайне важно. В (Окончание на 4-й стр.)